

Зотов П.Б.¹ ✉, Спадерова Н.Н.^{1,2}, Сенаторова О.В.¹, Маркелова О.А.¹,
Пушникова М.А.¹, Ланюк А.А.¹, Девкина Д.Н.¹

¹ Тюменский государственный медицинский университет, Тюмень, Россия

² Областная клиническая психиатрическая больница, Тюмень, Россия

Постгомицидные самоубийства в Тюменской области (Западная Сибирь)

Конфликт интересов: не заявлен.

Вклад авторов: концепция и дизайн исследования, редактирование, сбор данных, обработка и анализ результатов, написание текста – Зотов П.Б.; обработка и анализ результатов, редактирование – Спадерова Н.Н.; поиск источников литературы, обработка данных – Сенаторова О.В.; поиск источников литературы, оформление резюме – Маркелова О.А.; поиск источников литературы, оформление списка литературы – Пушникова М.А.; перевод источников литературы – Ланюк А.А., Девкина Д.Н.

Подана: 15.12.2024

Принята: 20.02.2025

Контакты: note72@yandex.ru

Резюме

Постгомицидное самоубийство (ПГСУ) – достаточно редкое криминальное действие, включающее убийство агрессором одного или нескольких лиц и последующее самоубийство.

Цель. Изучить случаи постгомицидных самоубийств по результатам посмертных комплексных психолого-психиатрических экспертиз в Тюменской области (Западная Сибирь) в период с 2008 по 2024 г.

Материалы и методы. Проанализировано 294 посмертные комплексные судебные психолого-психиатрические экспертизы, которые были проведены в период с 2008 по 2024 г. в рамках ст. 105 УК РФ (убийство). Из них было выделено 16 (5,4%), соответствующих критериям ПГСУ.

Результаты. За период 2008–2024 гг. в Тюменской области зарегистрировано 16 постгомицидных самоубийств, совершенных в городах (n=8) и на сельских территориях (n=8) региона. Во всех случаях агрессорами являлись мужчины, в большинстве случаев имеющие личностные психологические особенности, в анамнезе – проявления семейного насилия, злоупотребления алкоголем и психических нарушений. Большинство жертв – члены семьи и близкие, погибшие от ножевых или огнестрельных ранений. Самоубийство преступников является обязательным элементом подобных трагедий и, как правило, совершается агрессорами в ближайшее время после убийства близких.

Выводы. Превенция постгомицидных самоубийств должна иметь мультидисциплинарный характер, включая в себя медицинскую, социальную и правоохранительную составляющие, а также корректную работу СМИ.

Ключевые слова: убийство, самоубийство, постгомицидное самоубийство, факторы риска, профилактика самоубийств, Тюменская область, Западная Сибирь

Zotov P.¹ ✉, Spaderova N.^{1,2}, Senatorova O.¹, Markelova O.¹, Pushnikova M.¹, Lanyuk A.¹, Devkina D.¹

¹ Tyumen State Medical University, Tyumen, Russia

² Regional Clinical Psychiatric Hospital, Tyumen, Russia

Post-Homicidal Suicides in the Tyumen Region (West Siberia)

Conflict of interest: nothing to declare.

Authors' contribution: research concept and design, editing, data collection, processing and analysis of results, writing text – Zotov P.; processing and analysis of results, editing – Spaderova N.; search for sources of literature, data processing – Senatorova O.; search for sources of literature, resume design – Markelova O.; search for sources of literature, list design – Pushnikova M.; translation of literary sources – Lanyuk A., Devkina D.

Submitted: 15.12.2024

Accepted: 20.02.2025

Contacts: note72@yandex.ru

Abstract

Post-homicidal suicide (PHS) is a fairly rare criminal act involving the murder of one or more persons by an aggressor and subsequent suicide.

Purpose. To study cases of post-homicidal suicides based on the results of postmortem comprehensive psychological and psychiatric examinations in the Tyumen region (Western Siberia) in the period from 2008 to 2024.

Materials and methods. The article analyzes 294 postmortem complex forensic psychological and psychiatric examinations (postmortem examinations), which were conducted in the period from 2008 to 2024 within the framework of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation (murder). Of these, 16 (5.4%) were identified as meeting the criteria of the PHS.

Results. During the period 2008–2024, 16 post-homicidal suicides were registered in the Tyumen Region, committed in cities (n=8) and rural areas (n=8) of the region. In all cases, the aggressors were men, in most cases with personality traits, a history of family violence, alcohol abuse, and mental disorders. Most of the victims are family members and loved ones who died from stab wounds or gunshot wounds. Suicide of criminals is a mandatory element of such tragedies, and is usually committed by aggressors in the near future after the murder of loved ones.

Conclusions. The prevention of post-homicidal suicides should have a multidisciplinary nature, including medical, social and law enforcement components, as well as the correct work of the media.

Keywords: murder, suicide, post-homicidal suicide, risk factors, suicide prevention, Tyumen region, West Siberia

■ ВВЕДЕНИЕ

Постгомицидное самоубийство (ПГСУ) – достаточно редкое криминальное действие, включающее сочетание как минимум двух трагедий – убийство агрессором одного или нескольких лиц и последующее самоубийство [1]. Количество жертв

этой категории определяется обстоятельствами. В спонтанно возникшей ситуации, как правило, жертвы единичны, страдают близкие, знакомые, реже чужие люди [1, 2]. Потенцирующие и поддерживающие факторы – ссоры, алкоголь, психические нарушения [3–5]. В случае планируемых преступлений жертв и пострадавших значительно больше. Конкретные персоналии агрессора обычно не интересуют, важен социальный резонанс от содеянного, в том числе внимание СМИ [6, 7]. В большинстве произошедших преступлений – это подростки и молодые люди, приверженцы идей субкультуры «Колумбайн»¹ [8, 9].

Феномен ПГСУ распространен в разных странах неодинаково, но количество подобных трагедий растет. Наибольшие показатели регистрировались в США (0,22 на 100 тыс. жителей), минимальные – в Нидерландах (0,05 на 100 тыс. жителей) [10, 11]. В России согласно отдельным исследованиям ПГСУ составляют примерно 0,1 случая на 100 тыс. населения [2, 12]. Среди наиболее резонансных – расстрелы в учебных заведениях Керчи, Казани и др.

В целом группа ПГСУ разнородна, что затрудняет ее изучение и разработку мер профилактики [6, 13]. Поэтому изучение случаев подобных преступлений в отдельных регионах страны является актуальной проблемой, позволяющей глубже изучить феномен и обосновать возможные меры превенции.

■ ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучить случаи постгомицидных самоубийств по результатам посмертных комплексных психолого-психиатрических экспертиз в Тюменской области (Западная Сибирь) в период с 2008 по 2024 г.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Проанализировано 294 посмертные комплексные судебные психолого-психиатрические экспертизы (посмертных КСППЭ), которые были проведены в период с 2008 по 2024 г. в рамках ст. 105 УК РФ (убийство), ст. 111 ч. 4 УК РФ (причинение тяжких телесных повреждений, повлекших по неосторожности смерть потерпевшего). Из них было выделено 16 (5,4%) посмертных КСППЭ с «расширенными самоубийствами», которые подробно изучены и составили основной материал исследования.

Методы: ретроспективного клинико-психопатологического исследования (анализ материалов уголовного дела, медицинской документации, описание психического состояния, анализ имеющихся симптомов психических расстройств) в сочетании с анализом данных соматоневрологического состояния, а также данных доступной медицинской документации, лабораторных, инструментальных данных и заключение психолога в рамках посмертной КСППЭ.

Статистическая обработка материала проводилась с помощью программы SPSS.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

За исследуемый период ПГСУ в Тюменской области регистрировались периодически и неравномерно по годам (2008 г. – 1, 2009 г. – 1, 2012 г. – 1, 2013 г. – 1, 2015 г. – 2,

¹ Террористическая организация, запрещенная в Российской Федерации / Terrorist organization banned in the Russian Federation.

2017 г. – 1, 2018 г. – 4, 2019 г. – 3, 2020 г. – 1, 2022 г. – 1), что подтверждает их достаточную редкость. Расчет распространенности данного вида преступлений позволяет оценить показатель на 100 тыс. населения от 0 до 0,26 (в 2018 г.).

Из общего числа преступлений 8 были совершены в городах (Тюмень – 6, Тобольск – 2), 8 – на четырех (из 22) сельских территориях региона.

Все преступники – мужчины в возрасте от 31 года до 66 лет. Наиболее представительной категорией были лица в возрасте 51–60 лет (n=7; 43,8%). Большинство имели неполное среднее образование (n=11), рабочие профессии (n=14), 9 состояли в официальном браке, 5 – формально женаты (не разведены, но совместно не проживали, конфликтовали), двое – холосты. Материально-бытовые условия чаще (n=12) оценивались как удовлетворительные.

При постмортальной экспертизе и анализе медицинской документации у 87,5% (n=14) были определены признаки психических нарушений и зависимости от алкоголя. Шесть из них имели признаки органического непсихотического расстройства (F06), двое – расстройство личности. В единичных случаях ранее диагностированы шизофрения (F20), рекуррентное депрессивное расстройство (n=1) и умственная отсталость (n=1). Восемь мужчин страдали зависимостью от алкоголя, в том числе пять на фоне отмеченных выше различных форм психопатологических нарушений.

Более половины (n=9) в состоянии алкогольного опьянения ранее проявляли домашнюю агрессию, высказывали суицидальные мысли и намерения, в том числе совершить «расширенный суицид». Шесть человек имели в прошлом криминальный опыт, судимость, в основном за кражу (ст. 158 УК РФ) и побои (ст. 116 ч. 1), привлекались к административной ответственности.

В момент совершения преступления 11 (68,8%) мужчин находились в состоянии алкогольного опьянения. При этом прием алкоголя совершался в день убийства.

Жертвами являлись 21 человек, в том числе 11 мужчин и 10 женщин (табл. 1). Возраст погибших был значительно ниже, чем у агрессоров. Преобладали дети (n=6) и лица в возрасте 41–50 лет (n=6). В каждой отдельной трагедии количество жертв было от одной до трех.

Согласно принятой классификации [1], зарегистрированные случаи включали детские (n=6), внесемейные (n=6), супружеские (n=5) и семейные (n=4) виды ПГСУ (табл. 2).

Таблица 1
Половозрастные особенности жертв
Table 1
Gender and age characteristics of the victims

Показатель	Населенный пункт												Всего	
	г. Тюмень		Тюмен-ский район		Исетский район		г. То-больск		Голышма-новский район		Нижнетав-динский район			
	п	%	п	%	п	%	п	%	п	%	п	%	п	%
Мужчины	3	13,6	2	9,5	1	4,8	1	4,8	1	4,8	3	13,6	11	52,4
Женщины	3	13,6	4	19,0	1	4,8	1	4,8	–	–	1	4,8	10	47,6
Из них: дети	–	–	3	14,3	–	–	–	–	–	–	3	13,6	6	27,3
Многочислен-ные жертвы	2	9,5	2	9,5	2	9,5	0	–	–	–	3	13,6	9	42,8
Итого	6	28,6	6	28,6	2	9,5	2	9,5	1	4,8	4	19,0	21	100

Таблица 2
Распределение разных видов постгомицидных самоубийств
Table 2
Distribution of different types of post-homicide suicides

Вид ПГСУ	Населенный пункт												Всего	
	г. Тюмень		Тюмен-ский район		Исетский район		г. То-больск		Голышма-новский район		Нижне-тавдин-кий район			
	п	%	п	%	п	%	п	%	п	%	п	%	п	%
Детские			3	14,2							3	14,2	6	28,5
Внесемейные	2	9,5	1	4,8			1	4,8	1	4,8	1	4,8	6	28,5
Супружеские	3	14,2	2	9,5									5	23,8
Семейные	1	4,8			2	9,5	1	4,8					4	19,0
Итого	6	28,5	6	28,5	2	9,5	2	12,5	1	4,8	4	19,0	21	100

Среди жертв 6 детей (все жители сел). Во всех случаях убийство совершали их отцы путем нанесения ножевых ранений (n=3). В одном случае отец, страдающий шизофренией, поджег баню, предварительно заманив в нее троих детей. Мотивацией детских убийств служили комплексы факторов: идеи (сверхценные, бредоподобные) о никчемности, ненужности детей, разочарования в собственной жизни, потеря ее смысла на фоне ухудшения супружеских взаимоотношений, расставания, материального неблагополучия. Все эти мужчины совершили самоубийства практически одновременно с убийствами.

При внесемейных формах агрессии (n=6) жертвами выступали малознакомые лица, которые были в ходе ссоры непреднамеренно убиты. Во всех случаях в дальнейшем убийцей предпринимались попытки по сокрытию тела, факта преступления, сообщению знакомым и родственникам о своей невиновности, составлению предсмертных записок. Самоубийство в данном случае имело целью избавление от уголовной ответственности (квазисамоубийство) и в среднем совершалось через 10–14 дней после убийства.

При семейных формах преступлений (n=5) мужа чаще по мотивам ревности в депрессивном состоянии убивали своих жен (ножом, ружьем). Жертвами также могли быть матери, отчимы и др. В одном случае мужчина убил своего брата из-за разногласий в бизнесе. Самоубийство в этих случаях совершалось вслед за убийством или отсроченно до 1–2 суток.

Самым частым способом убийства 21 жертвы являлось нанесение ножевых ран и порезов (n=10), на втором месте – использование огнестрельного оружия (n=6), как правило, хранившегося дома охотничьего ружья, в 4 случаях – поджог, в одном – телесные повреждения.

Самоубийство 16 преступников было совершено путем самострела (n=4), самопорезов (n=3), повешения (n=3), прыжка с высоты (n=3), самосожжения (n=2) и утопления (n=1).

■ ОБСУЖДЕНИЕ

Представленные данные указывают на достаточную редкость постгомицидных самоубийств в Тюменской области и отсутствие какой-либо закономерности их регистрации по годам. Важно отметить, что половина всех выявленных случаев

произошли в городах, при этом вторая половина пришлось всего на четыре сельские территории из 22, входящих в состав региона. Такое неравномерное распределение вполне может указывать на невыявление отдельных случаев трагедий вследствие квалификации их по другим категориям нарушений закона.

Несмотря на редкость подобных преступлений, они всегда ведут к гибели как минимум двух людей или более, вызывая негативный общественный резонанс. Поэтому их профилактика имеет большое значение, хотя и сопряжена со значительными трудностями. Тем не менее полученные материалы, сравнение их с данными специальной литературы позволяют сделать достаточно определенные выводы.

Типичный портрет агрессора в Тюменской области – мужчина среднего/старшего возраста, имеющий расстройство личности и/или психические нарушения преимущественно непсихотического уровня, злоупотребляет алкоголем, на фоне приема которого часто демонстрирует агрессию. Проживает в семье, но вследствие характерологических особенностей неуживчив, конфликтен с близкими, реже – разведен.

Направленность агрессии чаще на ближайшее окружение. Три четверти жертв – это члены семьи и родственники (дети, жены, родители, братья). Агрессивные действия – обычно итог длительного стресса, индуцированные конфликтом, как правило, на фоне алкогольного опьянения. Случайные жертвы при внесемейных убийствах – преимущественно участники совместного потребления алкоголя. Средства убийств – нож или огнестрельное оружие (при наличии его в доме).

Самоубийство после убийства близких преступники совершают сразу или в ближайшие часы-сутки. При внесемейных убийствах – чаще пытаются скрыть следы преступления и суицид совершают при угрозе раскрытия, обычно спустя несколько дней.

Исходя из этих данных, можно сделать вывод, что меры профилактики достаточно трудны и преимущественно имеют общий неселективный характер [14]. Среди них: выявление семей с фактами проявления бытовой агрессии мужей, направленной на жен и близких; ограничение доступа таких лиц к оружию (или изъятие оружия); борьба с алкоголизмом; контроль и динамическое наблюдение глав семей, состоящих на учете у психиатра/нарколога.

Важно отметить, что система здравоохранения не может реализовать все перечисленные меры, и традиционный подход, ориентированный только на врачебный контроль суицидального поведения, не даст ожидаемого результата. Учитывая особенности феномена ПГСУ, включающего вовлечение в трагический круг жертв насилия, и самоубийство агрессора, система профилактики должна включать меры, реализуемые правоохранительными органами, социальными службами и другими ведомствами. Важное значение имеет и работа средств массовой информации (СМИ), особенно в области корректного освещения подобных трагедий, но самое главное – просвещение людей/семей, имеющих факторы риска, с целью своевременного их обращения за помощью в соответствующие инстанции и службы [7, 15].

■ ВЫВОДЫ

1. За период 2008–2024 гг. в Тюменской области зарегистрировано 16 постгомицидных самоубийств, совершенных в городах (n=8) и на сельских территориях (n=8) региона.

2. Во всех случаях агрессорами являлись мужчины среднего/старшего возраста, в большинстве случаев имеющие личностные особенности, в анамнезе – проявления семейного насилия, злоупотребления алкоголем и психических нарушений.
 3. Большинство жертв – члены семьи и близкие агрессоров, погибшие от ножевых или огнестрельных ранений.
 4. Самоубийство преступников является обязательным элементом подобных трагедий и, как правило, совершается в ближайшее время после убийства близких.
 5. Превенция постгомицидных самоубийств должна иметь мультидисциплинарный характер, включая в себя медицинскую, социальную и правоохранительную составляющие, а также корректную работу СМИ.
-

■ ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. Marzuk P.M., Tardiff K., Hirsch C.S. The epidemiology of murder-suicide. *AMA*. 1992;267(23):3179–3183.
2. Golenkov A. Spousal (partner) post-homicidal suicides (according to electronic media in the regions of Russia). *Suicidology*. 2022;13(1):105–117. doi: 10.32878/suiciderus.22-13-01(46)-105-117 (in Russian)
3. Roma P., Pazzelli F., Pompili M., Lester D., Girardi P., Ferracuti S. Mental illness in homicide-suicide: a review. *J. Am. Acad. Psychiatry Law*. 2012;40(4):462–468.
4. Golenkov A. Post-homicidal suicides and mental disorders. *Suicidology*. 2023;14(1):131–153. doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-01(50)-131-153 (in Russian)
5. Razvodovsky Y. Strong alcohol consumption and suicide in Russia. *Academic Journal of West Siberia*. 2021;17(1):14–17. (in Russian)
6. Flynn S. *A mixed methods study of homicide followed by suicide*: A thesis submitted to the University of Manchester for the degree of doctor of philosophy in the Faculty of Medical and Human Sciences, 2013. 258 p.
7. Antonova N., Golenkov A. Coverage of homicides and suicides in the regional media. *Acad. J. West Siberia*. 2022;18(1):3–7. (in Russian)
8. Malkki L. Political Elements in Post-Columbine School Shootings in Europe and North America. *Terrorism and Political Violence*. 2014;26(1):185–210.
9. Karaush I., Badmaeva V., Chibisova I. Suicidal behavior of minors, who planned or committed the attack for educational institutions. *Suicidology*. 2024;15(2):113–130. doi: 10.32878/suiciderus.24-15-02(55)-113-130 (in Russian)
10. Large M.M., Smith G., Nielssen O. High rates of homicide are associated with high rates of homicide-suicide. *J. Forensic Leg. Med*. 2010;17(4):225–226. doi: 10.1016/j.jflm.2010.02.003
11. Liem M., Barber C., Markwalder N., Killias M., Nieuwebeerta P. Homicide-suicide and other violent deaths: an international comparison. *Forensic Sci. Int*. 2011;207(1–3):70–76. doi: 10.1080/14789940802364369
12. Golenkov A., Zotov P., Spaderova N. Posthomicidal suicide in regions of Russia. *Deviant Behavior (Russia)*. 2022;6(1):18–25. doi: 10.32878/devi.22-6-01(10)-18-25 (in Russian)
13. Zalsman G., Hawton K., Wasserman D., et al. Suicide prevention strategies revisited: 10-year systematic review. *Lancet Psychiatry*. 2016;3(7):646–659. doi: 10.1016/S2215-0366(16)30030-X. Epub 2016 Jun 8.
14. Polozhy B. Modern approaches to preventive suicidology. *Suicidology*. 2021;12(1):73–79. doi: 10.32878/suiciderus.21-12-01(42)-73-79 (in Russian)
15. *Preventing suicide: a resource for media professionals, update 2017*. Geneva: World Health Organization; 2017 (WHO/MSD/MER/17.5). Licence: CC BY-NC-SA 3.0 IGO.